

UDC 94(47).084.8

Faith and Superstitions in the Frontline and in the Rear in Wartime (1941-1945)*

Evgeny F. Krinko

Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Dr. (History)

E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract. The article deals with the faith and superstitions of the Soviet citizens in the frontline and in the rear during the Great Patriotic War. The study of the religion history in the USSR in 1941-1945 was significantly influenced by ideology. This theme has been thoroughly studied in recent years, but the attention is mainly attached to its institutional aspects and the role of religion in lives of Soviet citizens is still little-studied. Nevertheless, by the start of war, considerable part of the population maintained its religious beliefs, despite the anti-religious policy of the Soviet authorities. The war increased the faith of Soviet citizens in the frontline, in the rear and within the occupied territory. It was mainly caused by the extreme wartime situation. Different superstitions and omens gained a wide circulation. Despite the fact that they had different content, both rites and prayers, acknowledged by the church and the omens and superstitions, rejected by the church have become the necessary ways of people psychological adaptation to wartime severities and hardships. The conclusions, which were made with the help of different sources, such as official documents, statistical data, both published and collected in the course of work under the theme of participants and eyewitnesses' recollections, help us to imagine the collective consciousness of the Soviet society during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War; faith; superstitions; collective consciousness; private life; wartime routine; Soviet society.

Введение. Изучение религиозной жизни советского человека в годы Великой Отечественной войны долгие годы находилось под влиянием господствовавшей идеологии. Специальных работ на данную тему практически не публиковалось, лишь фрагментарно она была представлена в обобщающих работах о роли религии и церкви в советском обществе. При этом апологетизировалась политика советского государства, ничего не говорилось о гонениях на церковь, замалчивались и принижались патриотическая позиция и вклад в победу над врагом служителей различных конфессий. Только в последние два десятилетия появился ряд обобщающих и специальных исследований, вносящих немалый вклад в изучение истории религии в годы Великой Отечественной войны. В основном они посвящены ее институциональным аспектам, взаимоотношениям церкви и власти в условиях военного времени, а также развитию религиозной жизни на оккупированных советских территориях [1]. В то же время вопросы веры и суеверий советских граждан на фронте и в тылу все еще остаются недостаточно разработанными.

Материалы и методы. Источники изучения рассматриваемой проблемы можно разделить на три основные группы. Первую из них составляют официальные документы, хранящиеся в федеральных архивах и архивах субъектов Российской Федерации и лишь частично опубликованные [2]. Вторую – статические источники: материалы переписей населений, позволяющие судить о численности верующих накануне Великой Отечественной войны. Третью – источники личного происхождения: воспоминания, письма, а также устные рассказы участников и очевидцев рассматриваемых событий. В их использовании автор опирался на уже существующий опыт устно-исторических исследований в России и других странах [3].

Обсуждение. Несмотря на откровенно антицерковную и антирелигиозную политику, проводившуюся руководством страны в 1920–1930-х гг., к началу Великой Отечественной войны значительная часть населения сохранила приверженность православию, немалой оставалась численность мусульман и представителей других конфессий, о чем свидетельствуют материалы Всесоюзной переписи населения СССР 1937 г. В ходе ее подготовки советские граждане старше 16 лет должны были определить свое отношение к религии, а верующие – назвать свое вероисповедание. Ранее статистики считали подобный вопрос некорректным, но при подготовке переписи его вписал лично И.В. Сталин, которому никто не стал возражать. Вероятно, советское руководство рассчитывало получить подтверждения полной победы атеизма в стране, но эти ожидания не подтвердились. Согласно результатам переписи, верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше в СССР оказалось 55,3 млн чел. (56,7 %). При этом христианами признали себя 43,79 % опрошенных (почти 80 % всех

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12-01-00127а «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)».

верующих), в том числе: православными – 42,29 %, католиками – 0,49 %, протестантами – 0,47 %, старообрядцами – 0,4 %, григорианами – 0,14 %. Мусульманами – 8,39 %, иудаистами – 0,29 %, буддистами – 0,08 %, сторонниками традиционных верований – 3,62 %. Неверующих оказалось 42,2 млн чел. (43,3 %). В действительности верующих было больше: 20 % опрошиваемых вообще уклонились от ответа на вопрос о религии, а часть, очевидно, дала неискренние ответы, опасаясь возможных преследований [4].

Особый интерес вызывают данные переписи об отношении к религии представителей различных возрастных когорт. Среди верующих преобладали люди старших возрастов, а каждая более молодая когорта населения СССР проявляла значительно меньшую религиозность по сравнению с предыдущей. Например, в возрастной группе 20–29 лет православные составили 32,7 %, мусульмане – 7,1 %, в то время как атеисты – 55,3 %. В возрастной группе 16–19 лет православные составили 25 %, мусульмане – 5,5 %, а атеисты – уже 62,3 %. Верующие также преобладали среди неграмотных и женщин (на 100 православных женщин приходился всего 51 мужчина) [5].

Результаты переписи признали неудовлетворительными и засекретили, а при проведении Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г. вопрос о религии был исключен из переписного листа. И все же можно уверенно считать, что к началу Великой Отечественной войны более половины населения страны составляли верующие. Особенно сильным влияние религии оставалось в сельской местности. Невзирая на негативное отношение партийных органов, в деревне продолжали отмечать религиозные праздники, прежде всего пасху, во время которой на работу не выходило до половины, а то и более колхозников.

Так, на пасху в 1941 г. (20–21 апреля) в церкви Новоселицкого района Орджоникидзевского (в настоящее время – Ставропольского) края собралось свыше 1 тыс. верующих. На работу не вышло свыше 2 тыс. чел. в колхозах «Садовод», «Красный воин» и других хозяйствах. Исполнению обрядов не помешали даже уничтожение многих церквей и представителей духовенства: их совершали переходившие из села в село бродячие священники, притом в заочной форме – не над самим верующим, а над принадлежавшей ему вещице. Крещение проводилось без ребенка, которому затем вешали крестный крестик; заупокойная молитва при похоронах совершалась над горстью земли с могилы, где был похоронен умерший, а потом ее возвращали родственникам; обряд венчания совершался с кольцами, затем вручавшимися молодым. Даже отдельные коммунисты, в том числе занимавшие ответственные руководящие должности, продолжали соблюдать обряды и сохранять в домах иконы, объясняя это влиянием других членов семей. В Новоселицком районе бывший руководитель районного отдела здравоохранения Гончаров, секретарь партийной организации колхоза им. Буденного Ефимов, заведующий военным отделом райкома ВКП(б) Матвеев, инструктор райкома ВКП(б) Дружинин, председатель сельсовета Гуржуенко окрестили своих детей, а когда от них потребовали объяснения, «то они всю вину стали относить на своих жен и матерей» [6].

Мусульмане также продолжали отмечать свои религиозные праздники – курбан-байрам, уразу-байрам, выполняли религиозные обряды. В отсутствие мулл их обязанности выполняли старики, лучше знавшие традиции и обряды. Например, в 1941 г. в ауле Ново-Кувинском Черкесской автономной области уразу соблюдали 48 чел., а в ауле Эрсакон – более 100 чел., среди которых были и комсомольцы. В 1940 г. массово проводился обряд освящения реки Зеленчука в целях вызова дождя, на специальных совещаниях ставился вопрос о необходимости поливки кладбища [7].

Если гонения на православную церковь начались практически с момента прихода к власти большевиков, то к сектантам советская власть в первые годы своего существования относилась вполне терпимо. Однако с конца 1920-х гг. на сектантов также обрушились репрессии. К 1940 г. ряд религиозных организаций был полностью уничтожен, другие продолжили свою деятельность на нелегальной основе. Среди них были баптисты-евангелисты, пятидесятники, старообрядцы, духоборы, хлысты, «истинно-православные христиане» и др. Так, в станице Кардоникской Карачаевской автономной области накануне войны была раскрыта секта «молчальников», отказывавшихся принимать любые государственные обязательства и признавать советскую власть, они не платили налоги и не пускали детей в школу [8].

Власти негативно воспринимали подобные проявления религиозной жизни, видя в них угрозу «колхозному строительству и оборонному могуществу СССР». В докладной записке уполномоченного Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Орджоникидзевскому краю Астраханцева 18 июня 1941 г. отмечалось: «Остатки разгромленных церковно-сектантских к[онтр]р[еволюционных] элементов, уйдя в более глубокое подполье, продолжают вести свою к[онтр]р[еволюционную] работу. Вокруг действующих церквей и молитвенных домов группируются к[онтр]р[еволюционные] элементы из церковников и белогвардейцев и ведут свою работу» [9]. В то же время увеличение числа «катакомбников», отвергавших подчинение Московскому патриархату и обвинявших его в сотрудничестве с большевиками, заставило власти признать, что «заккрытие церквей ведет к увеличению нелегальных религиозных организаций» [10]. Поэтому одни лишь административные меры, выразившиеся в закрытии храмов, признавались неэффективными методами управления.

В Вооруженных силах СССР доля верующих была меньше, чем в стране в целом, поскольку в них служили преимущественно мужчины молодого и зрелого возраста. В 1941 г. на военной службе

находились юноши 1919–1922 гг. рождения, которым в 1937 г. было по 15–18 лет – представители демографической группы, в которой были наиболее сильны атеистические воззрения. К тому же сама служба в рядах РККА также оказывала воздействие на формирование материалистического мировоззрения у молодых людей. Однако численность верующих и среди военнослужащих оставалась весьма значительной. Об этом свидетельствуют материалы книги эмигранта В.М. Зензинова, основанной на письмах, собранных у погибших советских красноармейцев в годы советско-финской войны 1939–1940 гг. и беседах с советскими военнопленными. Всего им было собрано и использовано 542 письма, при этом только в одном из них, по словам автора, «религиозный момент трактуется специально и в том именно духе, какого требовала четвертьвековая антирелигиозная правительственная пропаганда». В большинстве остальных писем нередко встречаются обращения к Богу, призывы о Божьей помощи, родительские благословения – «и не всегда все это носит один лишь бытовой характер, проявление укоренившейся с детских лет привычки. В этих привычных, видимо, выражениях чувствуется иной раз и подлинное религиозное чувство» [11].

Результаты. С начала Великой Отечественной войны Русская православная церковь заняла патриотическую позицию, поддержав советскую власть в борьбе с врагом. Местоблюститель патриаршего престола митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) 22 июня 1941 г. обратился с посланием к «Пастырям и пасомым Христовой православной церкви». Он призвал православных русских людей защитить Отечество, послужив ему «в тяжкий час испытания всем, чем каждый может» [12]. Позицию митрополита Сергея разделяло большинство православных иерархов и приходского духовенства. В посланиях главы обновленческого направления митрополита Александра (Введенского) также звучал призыв ко всем православным, «от священства и до малейшего мирянина», не только молиться, но и действовать: «С мечом в руках, с огнем веры в сердце пусть верующие исполняют свой великий воинский долг. Те, кто работает в тылу, пусть самоотверженно, с полным напряжением сил исполняют свои обязанности перед Родиной» [13]. 18 июля 1941 г. с воззванием к мусульманам СССР обратился председатель Центрального духовного управления мусульман, уфимский муфтий Г.З. Расулев. Он призвал их подняться на защиту «родной земли, молиться в мечетях о победе Красной Армии и благословить своих сыновей, сражающихся за правое дело». В следующем воззвании к мусульманам всего мира прозвучал призыв «во имя Ислама встать на защиту мусульман и народов России, их мирной жизни и религии». С призывами защищать Родину обратились к своим адептам Всесоюзный Совет евангельских христиан и ряд других религиозных организаций.

В свою очередь, и советское руководство пошло на смягчение прежней антирелигиозной политики. Спустя несколько месяцев после начала войны были разрешены общецерковные сборы средств; сняты ограничения на некультовую деятельность, проведение массовых богослужений и церемоний; стали открываться молитвенные здания; расширился выпуск церковной литературы. В сентябре 1941 г. были закрыты все антирелигиозные периодические издания, распущен «Союз воинствующих безбожников». Однако на местах разрешения нередко соседствовали с запретами. Так, 13 марта 1942 г. исполком Лабинского районного совета Краснодарского края принял решение о ликвидации молитвенного дома. Уже попавшие в поле зрения правоохранительных органов религиозные активисты продолжали подвергаться репрессиям. В августе 1942 г. С.А. Терзиян, 1886 г.р., проживавший в колхозе им. Свердлова Адлерского района Краснодарского края, обвинялся в «читке религиозных книг – библии, из которой контрреволюционные измышления поражественского характера, направленные против Советской власти, ... высказывает в кругу своего знакомства». В результате он попал в число лиц, подлежащих отселению с территории Краснодарского края в условиях быстрого наступления вермахта [14].

В то же время часть священнослужителей, прежде всего в западных регионах СССР, пошла на сотрудничество с оккупационной администрацией. Православные иерархи в Прибалтике, Белоруссии и на Украине объявили о намерении отделиться от Московской патриархии, поддержавшей «безбожное» советское правительство. Руководство Русской православной церкви со своей стороны осудило деятельность данных священнослужителей. Следует отметить, что отдельные нацистские руководители еще до войны обсуждали необходимость возрождения церковной жизни на оккупированных территориях СССР в качестве одного из средств, призванных способствовать ликвидации советского строя. 1 сентября 1941 г. был утвержден специальный циркуляр Главного управления имперской безопасности «О понимании церковных вопросов в занятых областях Советского Союза». В нем ставились три основные задачи: поддержка развития религиозного движения как враждебного большевизму, дробление его на отдельные течения во избежание возможной консолидации «руководящих элементов» для борьбы против Германии и использование церковных организаций для помощи немецкой администрации на оккупированных территориях. А. Гитлер 11 апреля 1942 г. указал на необходимость «избегать создания единых церквей на более или менее обширных русских землях. В наших же интересах, чтобы в каждой деревне была собственная секта со своими представлениями о боге» [15].

В первые дни Великой Отечественной войны была проведена мобилизация военнообязанных 1905–1918 гг. рождения, в августе 1941 г. – дополнительная мобилизация военнообязанных 1890–1904 гг. рождения. Вместе с ними призывали призывников 1923 г.р., а в 1942–1945 гг. – призывников 1924–1927 гг. Всего за годы войны действительную военную службу проходили 29 575 тыс. чел., вместе с кадровым составом – 34,5 млн чел. В результате мобилизации старших возрастов количество верующих в армии существенно возросло. Призывники 1922–1927 гг., среди которых доля верующих была меньше, составляли 6 568 059 чел. [16] или менее 1/5 общей численности советских военнослужащих.

Разумеется, возраст не является единственным показателем, определявшим отношение участников войны к религии, существенное значение имело также их социальное происхождение, полученное воспитание, выполнявшиеся на фронте профессиональные и политические функции. А.П. Толстиков вспоминал: «Дедушка мой кубанский казак, бабушка – донская, они сильно верующие были. Поэтому и нам привили [веру]. Мы никто не курили, пьем по великим праздникам, Пасху всегда соблюдали, Рождество». Далее он отмечал, что среди окружавших его солдат «верующие были, были среди нас. Кушать садятся, крестились. Но честно сказать, я сначала крестился, а потом забыл. Как-то все это отходит, отходит, потом я был секретарем комсомольской организации» [17]. Другие участники войны категорично заявляют: «Не было никакой поповщины... Все были атеистами» [18]. Третьи, отмечая: «Мы же атеисты... Да, атеисты. Поэтому каких-то (как их назвать?..) амулетов, талисманов не было. У нас такого и в мозгах не было», признают, что в части были верующие, несмотря на всю политическую работу комиссаров: «Может, кто-то тайно. Может, кому-то и крестик вешали дома... верующие-то были. Но никто это не рекламировал. Это было в индивидуальном порядке... потому что, вот, политрук, вот он рассказывает лекцию, потом замполитрука был. Они все время вели работу» [19].

Среди городской молодежи верующих было значительно меньше, чем среди сельской. Краснодарец С.Г. Дробязко, призванный в РККА в возрасте 17 лет в июле 1942 г. и практически сразу попавший под обстрел, увидел, как одна группа таких же, как он, новобранцев часто останавливалась. При первых попытках приблизиться его с угрозами отгоняли, но затем Дробязко удалось разглядеть, «что при остановках они заглядывают в тоненькую синюю ученическую тетрадку». В тетрадке «оказалась переписанной не то молитва, не то заговор от пуль». По словам мемуариста, он «о такой галиматье раньше читал только в книгах и был ошеломлен, встретившись с людьми, верившими в нее. В голове не укладывалось, что в наше время молодые грамотные ребята могут верить в чушь. А они стали предлагать мне переписать молитвы и передавать их знакомым ребятам. Я отказался, сказав, что не верю в эту ерунду. Они меня обругали и рассеялись в кустах» [20].

Опасения верующих были во многом обусловлены гонениями предшествующих лет. Вследствие крайней ограниченности личного пространства на фронте открытое выражение религиозных чувств нередко встречало непонимание сослуживцев. Как правило, к Богу обращались в самую трудную минуту, когда возникала непосредственная угроза жизни. Именно тогда в памяти возникали, казалось бы, давно забытые молитвы и обряды: «У меня случай вот такой был: ...”Фердинанд” – немецкое самоходное орудие – ползет прямо на меня... лежу, и вырвалось у меня “Спаси Господи” или “Помоги Господи” [смеется]. И “Фердинанд” остановился» [21].

Трудности военной службы, гибель боевых товарищей, переносимые физические и нравственные страдания вынуждали многих военнослужащих искать духовной поддержки, которую традиционно давала религия. Один из бойцов писал матери из госпиталя, в который попал после «мясорубки» в сентябре 1942 г. под Сталинградом: «Прошу тебя, сходи за меня в церковь, помолись за меня... и поставь несколько свечей перед иконой. Помолись богу за скорейшее окончание войны, многострадающий русский народ, за новый мир». Другой раненый, описав тяготы невыносимого бытия, давал близким такое напутствие: «Жена и дети, как-нибудь живите, видно, мое такое счастье – что даст господь» [22]. В сочетании с критикой советского руководства за положение в тылу и на фронте подобные проявления религиозных чувств рассматривались военной цензурой как «антисоветские настроения», хотя в ходе перлюстрации выделялась и отдельная группа религиозных писем негативного характера. Количество их, впрочем, было невелико: из 190 367 писем, обработанных военной цензурой особого отдела НКВД Сталинградского фронта с 15 по 31 июля 1942 г., отрицательные высказывания были отмечены в 2600, в том числе только в 19 – религиозные [23].

Схожие причины заставляли обращаться к Богу и жителей тыловых районов. По словам А.К. Агаркова, «родители никогда там перед иконами [не стояли], в церковь не ходили, скажем так, и я крещен не был, но когда свистели бомбы во время войны, то мама моя кидалась там: “Матушка Богородица, пронеси и помилуй!”. И мы все, даже не понимая чего, тоже кричали: “Богородица, помоги и пронеси! Боже, нас помилуй!” [24]. Э.Е. Розенблит также отмечала: «Страшно нам было. Интуитивно мы молились Богу». Выросшая в семье деда-атеиста, она вместе с другими детьми в военное время стала посещать церковь, хоть и не умела молиться: «Мы ничего не умели, мы кланялись, просили Господа: защити нас» [25]. Для многих советских граждан обращение к Богу во время войны объяснялось не только материальными трудностями, но и глубокими психологическими

переживаниями, связанными с опасениями за судьбу ушедших на фронт родных и близких, с разрывом сложившихся социальных связей. В этих условиях вера придавала нравственный смысл всей деятельности человека, выполняла важную компенсаторную социальную функцию.

Настоящий подъем религиозной жизни начался на захваченной противником территории. Оккупационная администрация поощряла возрождение церковной деятельности, открывала закрытые советской властью храмы. Она запрещала работать в дни церковных праздников, а за соблюдение церковных обрядов предоставляла льготы и привилегии. В программы действовавших в период оккупации начальных школ было включено изучение Закона Божьего. Поскольку значительная часть прежних церковных зданий к этому времени была разрушена или обезображена, в церкви переоборудовали клубы и дома культуры. В станице Крымской Краснодарского края церковь открыли в электролечебнице, ранее представлявшей собой религиозное помещение. В ней регулярно производились богослужения, которые посещали «в большинстве случаев женщины престарелого возраста» [26].

В местной печати отмечалось, что «после многолетних тяжких преследований» религиозные общины, «обрадованные разрешением совершать святые богослужения, во многих местах, не проверяя своих будущих пастырей, допустили к богослужению людей порочных и отрекавшихся при советской власти от Бога и от Св. Церкви». В станице Дондуковской Краснодарского края священником назвался Нарыжный, ранее отрекшийся от своего сана, в Тульской – «некто Ромащенко, предавший церковь в ст. Севастопольской», в Гиагинской – Вертоградский, «отрекшийся от правильного церковного пути». В станице Ханской «некто Щербань, не имея соответствующих документов, допущен общиной верующих к священнослужению» [27]. Однако сам факт, что указанные лица смогли стать священнослужителями, не имея на то необходимых правовых оснований, прямо свидетельствует о массовой потребности в исполнении религиозных обрядов. Немало жителей, прежде всего старшего возраста, добровольно трудилось над восстановлением церквей: они строили, штукатурили, красили, белили, выполняли, без всякой оплаты, другие работы, а затем принесли в дар уцелевшие иконы и богослужебные книги.

В то же время оккупанты стремились использовать религиозную деятельность в собственных интересах. Священники на оккупированной территории нередко служили молебны во славу победоносной германской «освободительной» армии, призывали прихожан молиться за здоровье немецких солдат, организовали сбор средств в фонд вермахта. Уже 9 августа 1942 г., в день вступления оккупантов в Краснодар, в их честь был отслужен молебен в Дмитриевской церкви, на котором присутствовали немецкие офицеры [28]. 11 октября 1942 г. состоялась панихида в Александро-Невской церкви в Майкопе по «убиенным, замученным и погибшим в застенках и лагерях православным христианам, а также воинам, жизнь свою положившим за освобождение нашей Родины от большевистского ига» [29]. Подобные молебны проводились во многих других городах, селах, станицах.

Шанс на более свободное выражение религиозных чувств получили и советские военнопленные в лагерях на территории Третьего рейха (в отличие от огромного большинства тех, кто находился на оккупированной территории СССР в лагерях, обычно размещавшихся в совершенно не приспособленных для этого местах, а чаще просто на открытом пространстве). Русская православная церковь за рубежом попыталась взять на себя духовное окормление советских военнопленных в немецких лагерях: «некоторые священники сообщали о своих впечатлениях в лагерях русских военнопленных и пришли к единому мнению, что устроенные ими богослужения посещали 90–95 % обитателей лагеря. Вообще можно говорить о сильной религиозности военнопленных». Однако руководство Германии не было заинтересовано в поощрении религиозных чувств советских военнопленных, а нацистские лагеря стали настоящими машинами по их массовому уничтожению [30].

После освобождения советской территории частями Красной Армии многие церкви вновь были закрыты, значительная часть религиозных общин перешла на полуполюгальное существование, количество богослужений сократилось до минимума. Однако после встречи с И.В. Сталиным 4 сентября 1943 г. высших иерархов Русской православной церкви власть разрешила избрание патриарха и открытие церквей. В то же время вся религиозная деятельность ставилась под контроль специально созданных структур и должностных лиц – Совета по делам русской православной церкви (с 14 сентября 1943 г.) и Совета по делам религиозных культов (с 19 мая 1944 г.) при СНК СССР и их уполномоченных на местах.

При этом ряд советских руководителей продолжал выступать против снятия ограничений на открытие храмов, монастырей и других религиозных заведений. 13 октября 1943 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов заявил председателю Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г.Г. Карпову, что пока открывать храмы не надо, а ходатайства верующих следовало отсылать местным властям на их окончательное заключение. Там, где просьбы верующих носили наиболее настоятельный характер, а местные руководители не могли найти причин отказать им, были открыты новые молитвенные дома [31]. Действительно, с просьбами об открытии храмов обращались сотни людей, включая бывших фронтовиков, инвалидов Великой Отечественной войны,

передовиков производства. Они писали в своих заявлениях: «Церковь и богослужение, беседы и речи священника для нас необходимы как воздух. Мы крайне нуждаемся в ободрении, утешении в той жизнерадостной атмосфере, какой так насыщено Евангелие и наше богослужение. Там все полно веры и надежды на лучшую, счастливую жизнь, все бодрит и утешает» [32].

Результаты. Общество неоднозначно отреагировало на перемены в правительственном курсе в отношении религии и церкви, что отразили зафиксированные партийными органами высказывания москвичей. Часть из них положительно отнеслась к рассматриваемым событиям. Электротехник колбасного завода Смирнов заявил: «Вообще хорошо, что исчезает нетерпимое отношение к богу. Бог – великое дело, и к чувству божьему надо относиться с уважением». Слесарь мастерской первичной обработки мясокомбината Горохов также считал: «Религия вносит в народ облагораживающие чувства, смягчает жестокие нравы, облегчает тяжелые муки и переживания. Поэтому нужно уважать ее и пастырей, несущих свет и облегчение в жизни». У других поворот во взаимоотношениях церкви и власти вызвал настоящую растерянность. Работники завода «Машиностроитель» коммунисты Дзябченко и Мащенко задавались вопросом: «Как мы должны вести себя? Раньше нас учили, что религия – опиум народа, а сейчас само правительство идет навстречу священнослужителям». Работницы московской фабрики им. Коминтерна члены ВКП(б) Коняшкина, Зайцева и Колпакова в беседе между собой пришли к выводу, что «теперь коммунистам можно беспрепятственно ходить в церковь, молиться богу, крестить детей и венчаться». А третьи увидели в этом очередной обман со стороны советского руководства. По словам инженера Института азотной промышленности Шапиро, «без иронии нельзя читать речь тов[арища] Карпова. По его словам получается, что советское правительство сочувственно относится к религии и духовенству, а в действительности это обман» [33]. Испытывавшие недоверие к власти верующие не желали легализоваться и после 1943 г.

В действующей армии перемены по данному вопросу были менее заметны. Политические органы не поощряли распространение религиозных представлений среди фронтовиков. Специально изучавший данный вопрос А.Ю. Безугольный отмечал, что ему не удалось обнаружить «ни одного свидетельства какой-либо поддержки армейскими воспитательными органами религиозных обращений, поступающих из тыла и вообще сколько-нибудь серьезного отношения к религиозности воинов Красной Армии» [34]. Однако военному командованию пришлось все-таки считаться с религиозными чувствами верующих на фронте, не только христиан, но и мусульман, в частности, учитывать, что они не употребляли в пищу свинину. А 2 ноября 1944 г. в Главное политическое управление РККА с 4-го Украинского фронта поступила телеграмма с просьбой «в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви» [35].

Еще более широкое распространение, чем забытые многими религиозные догматы и обряды, на фронте и в тылу получили различные суеверия и приметы, отвергавшиеся церковью, но признававшиеся нередко и верующими, и неверующими. Так, в сентябре 1941 г. прокуратура Краснодарского края докладывала о появлении в станицах Апшеронского, Лабинского, а затем и других районов Кубани большого количества листовок религиозного содержания, в которых сообщалось о «голосе спасителя в городе Иерусалиме», призывавшем молиться. Верующим предлагалось переписать 9 раз текст полученной записки и раздать его окружающим: «через два дня получите радость, а напишите “спаси меня, господи, силою честного и животворящего креста твоего, Господи”». Для распространения листовок в станице Имеретинской неграмотные старухи использовали родственников-школьников. Отмечалось также появление многочисленных гадалычиков-ворожей, определявших при помощи карт, колец, стука стула, живы ли родственники, находившиеся в рядах Красной Армии. Бывший коммунист Попов с 1 по 15 ноября 1941 г. гадал 30 гражданам, на вопрос о смерти родственников нескольким гражданам дал утвердительный ответ, «чем заставил их плакать и волноваться». Определенной платы он не взимал, брал столько, сколько давали. Все гадалычики привлекались к уголовной ответственности по статье 58-10 за «распространение контрреволюционной агитации и пропаганды» [36].

Как и многие другие женщины, мать С.Г. Дробязко, провожая его, «состригла в конверт прядь... черных кудрявых волос» [37]. Она должна была напоминать о сыне, а их сохранение позволяло надеяться на его возвращение. Истоки этих действий уходят далеко в прошлое: в фольклоре отрезанные волосы выступают заместителем самого человека. Вполне вероятно, это не осознавалось ни женщиной, совершавшей привычный обряд, ни, тем более, ее сыном, не одобрявшим религиозные воззрения своих сослуживцев. Фольклорист-фронтвик Л.Н. Пушкарев, собравший немало материалов по данному вопросу, утверждал: «В армии были и атеисты, и искренне верующие люди, но мне лично ни разу не приходилось сталкиваться с тем, что люди молились бы перед боем. Если это и делалось, то молча, про себя. Чаще я встречался с бытовым суеверием, с бытовой религиозностью, с необъяснимой верой в потусторонние (но отнюдь не обязательно божественные!) силы. Чаще всего это была вера в судьбу, в рок, в необъяснимые факты» [38].

Большинство примет на войне было связано непосредственно с боем. Как правило, они запрещали совершать фронтовикам определенные действия с целью уберечь их в бою. Часть примет

и суеверий сохранялась на протяжении столетий, переходя из поколения в поколение. К ним, например, относится привычка надевать чистое белье перед боем, унаследованная красноармейцами еще от солдат Русской императорской армии и объяснявшаяся как гигиеническими – чтобы при возможном ранении в рану не попала грязь, так и религиозными соображениями – в случае смерти предстать в чистом перед Богом. Опытные бойцы также предпочитали много не есть перед боем, поскольку ранение в брюшную полость при пустом желудке менее опасно, чем полным. Другие приметы имеют скорее иррациональный характер. В частности, перед боем нельзя было ругаться матом, дарить что-то «на память», думать о плохом, трагическом, приближая смерть. Видимо, поэтому бойцы перед боем предпочитали заниматься механической работой: чистить оружие и форму, писали письма домой, но не сообщали о предстоящем. После боя нельзя было надевать вещи погибших бойцов, что, впрочем, часто нарушалось вследствие нехватки обмундирования и обуви, а также показывать на своем теле места, куда был ранен товарищ, чтобы не произошло подобное. Одно из самых распространенных суеверий было связано со смертными медальонами, в которые военнослужащие должны были вкладывать сведения о себе. Считалось, что заполнив листки медальона, бойцы сами подписывали себе приговор, и многие выбрасывали «смертники» или использовали не по назначению, храня махорку, спички или иголки.

Многие матери и жены давали уходившим на фронт детям и мужьям написанную от руки на листе бумаги молитву «Живые помощи» (90-й псалом). Защищая в ворот гимнастерки или подкладку шинели, молитва была призвана выполнять значение оберега, защищать ее обладателя от гибели. По воспоминаниям Л.М. Карпеевой, она, несмотря на комсомольский билет, не раз обращалась во время войны к Богу и всю войну проносила в кармане такую молитву: «У меня были “живые помощи”. Когда я уходила в армию, мне мама дала “Живые помощи”, они у меня и сейчас до сих пор лежат. А папа: “Что я буду с твоими «Живыми помощами»?”. Папе не повезло, а мне повезло». Она давала молитву переписать своим однополчанам и считает, что та помогала ей в трудные минуты [39]. А медсестра В.М. Мухортова читала эту молитву раненым по их просьбе: «Меня всегда очень уважали, я всегда с ранеными была в окопах, и говорили: “Медсестра, давай, читай молитву”. В окопах...». Листок с молитвой написала мать и «положила в карманчик, пришла карманчик в гимнастерку и положила». Ее сын, ссылаясь на предыдущие рассказы матери, отмечал, что молитва «заговоренная была... ее на фронте даже не контузило ни разу. Все время на передовой. Кроме обморожения ничего. Это потому, что молитва была зашитая, которую мама дала. И вот солдаты с ее батареи говорили: “Вон, пошла санинструктор с батареи, пойдем с ней, ее не убьют и нас заодно”» [40]. О чудесном спасении благодаря 90-му псалму рассказывают и другие участники войны [41]. Немало красноармейцев использовало в качестве амулетов и оберегов не только предметы культа (иконы, молитвы, кресты), но и фотокарточки, письма, подарки родных и близких. Нередко в таком качестве использовалось переписанное от руки стихотворение К. Симонова «Жди меня», которому придавалось магическое значение [42].

Суеверия и приметы фронтовиков разнообразны, поэтому представляет интерес опыт их систематизации. Е.С. Сенявская выделяет их следующие основные типы: а) система запретов на определенные действия накануне боевых действий; б) выполнение определенных ритуалов после возвращения из боя; в) традиции и обычаи в отношении памяти и вещей погибших; г) хранение амулетов и талисманов (не обязательно религиозных символов, хотя часто талисманами служили ладанки и нательные крестики; д) молитвы (как традиционные, так и самодеятельные); е) коллективные привычки, выработанные по принципу целесообразности и закреплённые традициями боевого подразделения; ж) придание рациональным действиям дополнительного мистического обоснования; з) традиции воинского коллектива, связанные с военной специальностью» [43].

Заключение. Таким образом, война способствовала подъему веры у советских граждан на фронте и в тылу, а также распространению у них различных суеверий. Несмотря на все свои содержательные отличия, как признанные церковью обряды и молитвы, так и отвергаемые ею приметы и суеверия стали необходимыми способами психологической адаптации людей к экстремальным условиям военного времени.

Примечания:

1. Одинцов М.И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: РАГС, 1995. 222 с.; Шимон И.Я. Отношения Советского государства и Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1995. 427 с.; Гуцина А.В. Эволюция отношений государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. 140 с.; Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М.: АИРО-XX, 1999. 248 с.; Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: ИРИ РАН, 2001. 214 с.; Якунин В.Н. Положение и деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. 400 с. и др.

2. Русская православная церковь и Великая Отечественная война. Сб. церковных документов. М.: Изд-во Московской патриархии, 1943. 100 с.; Русская православная церковь в советское время (1917–1991 гг.). Т. 2. М.: ПроPILEI, 1994. 462 с.; Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: Сб. документов. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2009. 778 с. и др.
3. См.: Кринко Е.Ф. Устная история, ее проблемы и возможности // Вопросы теории и методологии истории. Сб. науч. трудов. Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. Вып. 3. С. 37-48; Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003. 368 с.; Хрестоматия по устной истории. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. 396 с. и др.
4. Жиромская В.Б. Религиозность народа в 1937 году (по материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. 2000. № 5. С. 48.
5. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М.: Ин-т истории СССР, 1991. 239 с.
6. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М., РОССПЭН, 2003. С. 403-405.
7. Там же. С. 405-406.
8. Там же. С. 406.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 106. Л. 79-80.
10. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече, 2010. С. 133.
11. Зензинов В.М. Встречи с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939–1940. Нью-Йорк: [Б.и.], 1944. С. 274-275.
12. Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М.: Мосгорархив, 1995. С. 45.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 188. Л. 21.
14. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774а. Оп. 2. Д. 403. Л. 144-150.
15. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск: Русич, 1993. С. 198.
16. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2010. С. 36-37.
17. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. СПб.: Изд-во «Европейский дом», 2008. С. 75-76 .
18. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Записан И.Г. Тажидиновой 25 октября 2012 г. в г. Краснодаре.
19. Респондент: Бирюков Владимир Ильич, 1923 г.р. Записан И.Г. Тажидиновой 6 ноября 2012 г. в г. Краснодаре.
20. Дробязко С.Г. Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942–1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. С. 37.
21. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. С. 75.
22. Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М.: «Звонница-МГ», 2000. С. 267-268.
23. Там же. С. 161.
24. Респондент: Агарков Анатолий Константинович, 1933 г.р. Записан Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлыниной 14 апреля 2013 г. в г. Ростове-на-Дону.
25. Респондент: Розенблит Эвелина Евгеньевна, 1933 г.р. Записана Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат 18 октября 2012 г. в г. Ростове-на-Дону.
26. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Краснодар: Советская Кубань, 2000. Кн.1.: Хроника событий 1941–1942 гг. С. 605.
27. Церковь должна быть свята и непорочна // Майкопская жизнь. 1942. 11 октября.
28. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С. 459.
29. Вселенская панихида // Майкопская жизнь. 1942. 15 октября.
30. Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. С. 272.
31. Алексеев В.И., Ставру Ф.Г. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Русское Возрождение. 1981. № 13. С. 93.
32. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.
33. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. С. 436.
34. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М., 2007. С. 271.
35. Всемирная история: Вторая мировая война. Итоги Второй мировой войны. М., 2001. С. 312.
36. ГАКК. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-3, 31-34.
37. Дробязко С.Г. Указ. соч. С. 7.
38. Пушкарев Л.Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 323-324.

39. Респондент: Карпеева Лидия Михайловна, 1923 г.р. Записана Т.Г. Курбат, Т.П. Хлыниной в Ростове-на-Дону, 29 сентября 2012 г.
40. Респондент: Мухортова Валентина Мефодьевна, 1922 г.р. Записана Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат с участием В.М. Мухортова в Ростове-на-Дону 18 мая 2011 г.
41. Городова М. Девяностый // Российская газета. Неделя. 2008. 8 мая.
42. Пушкирев Л.Н. Указ. соч. С. 323.
43. Сенявская Е.С. Солдатские суеверия на войне как пример стратегии выживания // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны). Матер. Междунар. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 239.

УДК 94(47).084.8

**Вера и суеверия на фронте и в тылу в условиях
военного времени (1941–1945)**

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Статья посвящена вере и суевериям советских граждан на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной войны. В советской историографии изучение истории религии в СССР в 1941–1945 гг. находилось под значительным влиянием идеологии. В последние годы данная тема широко разрабатывается, однако главное внимание уделяется ее институциональным аспектам, а роль религии в жизни советских граждан остается по-прежнему недостаточно исследованной. Между тем к началу войны значительная часть общества, несмотря на антирелигиозную политику советской власти, сохранила свои религиозные представления. Война способствовала настоящему подъему веры у советских граждан на фронте, в тылу и на оккупированной территории. В значительной степени это было обусловлено самой экстремальной обстановкой военного времени. Еще более широкое распространение получили различные суеверия и приметы. Несмотря на все свои содержательные отличия, как признанные церковью обряды и молитвы, так и отвергаемые ею приметы и суеверия стали необходимыми способами психологической адаптации людей к тяготам и лишениям военного времени. Выводы, сделанные на основе различных источников – официальных документов, статистических материалов, уже опубликованных и записанных непосредственно во время работы над темой воспоминаний участников и очевидцев событий – позволяют лучше представить картину массового сознания советского общества в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; вера; суеверия; массовое сознание; частная жизнь; военная повседневность; советское общество.